

ТОРГОВЫЕ

Людмила
ИВАНОВА,
народная
артистка
РСФСР

Фото
Елены
Сидякиной

А С С К А З Ы

Москва — 1991. — июль (№ 13). — с. 16.
«НЕ ЗАПЛЮЕШЬ!»

У метро продают кооперативные пирожки. Продавщица аккуратная, нарядная. А одному покупателю она почему-то не понравилась. А, может, пирожок показался невкусным. А, может, доро-го...

Подошел он и плюнул ей в лицо. Она лицо эдак рукавом быстро вытерла, взяла пустой ящик и... хрясть ему по голове. Покупатель даже не покачнулся, устоял.

Продавщица полуразвалившийся ящик бросила и скорей продавать пирожки, товар-то горячий, очередь собирается. Она только кинула подносящему пирожки: «Ты что же меня не защищаешь, не заступаешься? Все-таки мужчина!».

Вот именно: все-таки. Он пьяненький с утра, замахнулся, было, на обидчика, а тот его пихнул, он и отлетел далеко-далеко.

Продавщица же знай себе продает пирожки.

Тут покупателю обидно стало. Он размахнулся головой и опять ей в лицо плюнул. Тут одна покупательница, молодая такая, спортивная, не выдержала: выкинула руку с кулаком вперед, прямо в лицо плюющему — может, каратистка.

Мужчина хоть бы хны.

Но зато в ответ он подбежал к продавщице, мигом положил ей руки на бедра и дернул вниз юбку, она так ниже колен и сползла. Продавщица и глазом не моргнула. Юбку поддернула, не до конца, правда, пирожок отпустила. Еще поддернула — отпустила пирожок: люди голодные, дорогие пирожки берут.

Тут уж и милиционер подошел, как-то вяло начал разбираться, и тоже вяло повел плеваку в отделение, тот вяло пошел.

Зато продавщица очень бойко продолжала продавать пирожки. Рынок берет свое.

«ДАЮТ —
БЕРИ!»

«СВЕЖИЕ» СОСИСКИ

Майский день, солнышко светит, воробьи чирикают. Вдруг — голос, ушам своим не верю:
— Свежие сосиски! Свежие сосиски!

Знакомая буфетчица вынесла лоток с сосисками прямо на улицу. Народ сразу побежал, и я побежала. До меня успели всего пять человек. Подходит моя очередь. Вдруг продавщица роняет десятку, я нагибаюсь поднять, она тоже, сталкиваемся головами, она, придерживая мою руку, шепчет быстро: «Не бери, не свежие, у меня холодильник потек».

Быстро выпрямляется и звонко кричит:

— Свежие сосиски! Свежие сосиски!

Вообще с магазинами и очередями много бывает обид и смешных случаев. Помню, когда еще были сосиски в магазинах. Я стояла в очереди и выбила один килограмм. Протягиваю чек.

Продавщица мне дает два пакета по килограмму. Я секунду соображаю — нет это не по 500 граммов, это по килограмму. Гордая своей

честностью, протягиваю ей обратно пакет:

— Я за один выбила.

Она краснеет и пихает мне его обратно:

— Не хулиганьте, берите, девушка, что вы мне сосиски обратно суете.

Я объясняю ей, но она толкает ко мне пакет:

— Ничего не знаю,

сколько выбили, столько и даю!

Я обалдело отохожу с двумя пакетами от прилавка и останавливаюсь посередине магазина, ничего не понимая. Стою, какая-то женщина, проходя мимо, шепчет мне: «Мне тоже два дали, сосиски распахивают. У них ОБХСС работает. Дура! Дают — бери!»

ЛЮБА, ЛЮБА, ЛЮБУШКА...

Обеденный перерыв, народ толпой устремляется в буфет, перерыв короткий, все хотят успеть. Да где ж это Люба-буфетчица?

Люба — бойкая, симпатичная, с озорными глазами, муж — военный приходит ее встречать после работы. Люба! Да где же она? Так и перерыв кончится! Очередь растет, ропщет.

Я в негодовании заглядываю в служебное помещение: вдруг она там?

...На полу разостланы батоны, на них скатерть, на скатерти Люба с водопроводчиком. — Ой, извините!

Батоны мягкие. Из них нам потом бутерброды она делать будет.

МУЖИКА ДАВАЙ!

— Комедию хотим! Только комедию, — говорят зрители. И читатели. — Что-нибудь бы смешное. А то такая грустная жизнь, кругом столько тяжелого, в театре «чернуха». И потом, нет ничего в магазинах.

Разве это главное, главное — любовь.

Вчера приходит моя соседка.

— У тебя нет знакомых холостых мужчин?

— Надо подумать, а что?

— Да; знаешь, я тут магазин один обнаружила, там колбаса бывает по утрам, даже какая-то вкусная (может, кто живет в соседних домах извысокопостав-

ленных) и мясо. Я уже брала раза два, а тут стою утром за колбасой (у меня дочка-первоклассница очень любит бутерброд с вареной колбасой), вдруг продавщица закричала: «Не выбивайте за колбасу: кончается!» Я так расстроилась, гляжу: кассирша уже перестала выбивать. Я к ней тихонько обратилась: «Пожалуйста, выбейте мне грамм двести всего, вдруг достанется. А то у меня дочка-первоклассница очень любит бутерброд с вареной колбасой, в школу такой бутерброд можно взять». Так униженно об этом ее прошу, а она глядит на меня хмуро, без всякого сочув-

ствия. «А я вам билет в театр достану, — продолжаю я. — Соседка у меня режиссер».

Вдруг кассирша без всякой улыбки говорит:

— В театр не хочу, мужика дайте! Мужик нужен, хоть жениться, хоть так. Я вся упакована, все импортное, и квартира есть, а мужика нет!

Колбасы полкило дала, вроде задатка, а я ошалела, взяла колбасу. И все думаю — кто у нас холостой?

— Ну, в крайнем случае мужей пошлем! Помнишь, как молочница у Зошенко.

— А что? У них там в магазине и вырезка бывает!